

Астрид ЛИНДГРЕН:

ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ ПИСАТЬ...»

Вольфганг МИНАТИ

«ВЕЛЬТ», БОНН.

— **Г**ОСПОЖА Линдгрэн, мы находимся в вашей городской квартире в Стокгольме. Если не ошибаюсь, здесь четыре или пять комнат...

— Да, пять.
— ...квартира изящно обставлена, от нее веет скромным, простым благополучием.

— Не знаю, как насчет благополучия, но мне уютно в этом доме. Я живу здесь с 1941 года, так что... поне-много начинаю привыкать к своим комнатам.

— 50 лет — срок немалый. Вы, похоже, довольны этим приветливым и, можно сказать, кукольным жилищем. Вам нравится здесь?

— Да, нравится, хотя мне еще больше по душе мой летний дом в Фурусунде, это в шхерах, и вообще я люблю переезжать с места на место. Но мне здесь действительно хорошо. Я бы не хотела жить где-то в другом месте.

— Когда вы гуляете по Стокгольму или ходите по магазинам, как реагируют на вас прохожие? Просто приветствуют или атакуют вопросами?

— Не столько вопросами, сколько объяснениями в любви. Примерно такими: «Я обязан поблагодарить вас, не могу выразить словами, как много значили ваши книги для меня и моих детей». А малышам говорят: «Дети, вот та самая дама, которая написала «Пеппи-Длинный чулок». Дети взирают на меня без особого интереса, но зато их мамы...

— Значит, Астрид Линдгрэн уже настолько принадлежит обществу, что принадлежать себе, быть самой собой ей не удается?

— Дома удается, да и на улице, пожалуй, тоже, просто там ко мне всегда кто-нибудь непременно подходит. Не знаю, мешает ли это оставаться самой собой. Затрудняюсь сказать.

— Жить в роскоши — это не для вас...

— Не для меня, вы же сами видите.

— У вас нет ни виллы, ни яхты. Вы не носите украшений, и столовые приборы в вашем доме явно не из золота. А может, у вас все-таки есть какое-нибудь драгоценное собрание, ну, например, коллекция марок?

— Нет, к счастью, нет. Хотя вполне могла бы собрать такую коллекцию, ведь за свою жизнь я получила бесчисленное множество писем. Но я спокойно обхожусь и без этого.

— Люди, чьи произведения проникли в жизнь миллионов, веселым духом, зачастую по натуре меланхолики...

— Наверное, это относится и ко мне.

— Вы и вправду можете быть меланхоличной?

— И даже очень. Меланхолия нападает на меня частенько.

— Что такое, по-вашему, счастье?

— Это когда я бываю со своими детьми, внуками и правнуками. К сожалению, времени на это у меня не так много, как хотелось бы. Но это для меня счастье. Ну и, разумеется, природа... Бывать на природе — это тоже счастье.

— Есть основания думать, что вы никогда не собирались написать нечто вроде мемуаров.

— Это уж точно — никогда.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТА ПОГОДА

— Не могу не напомнить вам фразу, которую вы как-то произнесли: «В том, что я стала детской писательницей, виновата деликом и полностью погода». Ну, а если серьезно, что же все-таки вас к этому привело?

— Серьезно, именно погода! Но эту историю вы наверняка знаете?

«Мама» Карлсона, Пеппи, Эмиля и других столь любимых детьми — да и не только детьми — персонажей рассказывает о себе, своих книгах, своем отношении к сегодняшнему миру.

Фото «Сунден нау», Стокгольм.

чулке», — сказала она. Я ни разу еще не слышала этого имени. Но делать было нечего. Пришлось на ходу что-то выдумывать, сочинять. А вскоре я вдруг обнаружила, что все дети, приходившие к нам в дом, только и говорили, что о Пеппи-Длинном чулке и происходивших с ней приключениях. Ни о чем другом они и слышать не хотели.

Но это еще не была книга. Книгу я начала писать позднее — в марте 1944 года. Я вышла по делам из дому, на улице шел снег. Пересекла парк и... поскользнулась: растяжение стопы, постельный режим. Вот тогда-то мне и пришла в голову мысль записать свои выдуманные истории и подарить их дочери на день рождения: ей исполнилось десять лет. Так что, если бы не снег и если бы я не поскользнулась...

— С ногой все обошлось, и задним числом можно сказать: слава Богу, что вы тогда ее растянули.

— Я тоже так считаю. Писать книги было для меня с тех пор всегда большим удовольствием. Есть ведь писатели, которые принуждают себя работать. Находят самые разные оправдания, только бы не садиться за письменный стол. А я каждый вечер думала: «Скорее бы утро! Скорее бы снова за работу». Вы вначале спрашивали, что такое для меня счастье. Счастьем для меня была возможность писать. Настоящим счастьем.

— Еще немного о Пеппи-Длинном чулке. Строго говоря, это ведь нахальная девчонка и ведет себя вызывающе. Как круглой сироте ей следовало бы жить в приюте, а вместо этого она становится домовладелицей: поселилась себе в пустующей вилле, в одной компании с лошадей и обезьяной. Спит на постели шиворот-навыворот. В школу ходит, когда хочет. Словом, тот самый случай, когда можно предположить, что необходимо вмешательство какого-нибудь ведомства по делам трудновоспитуемых подростков. А вы из нее сделали героиню. Причем рассказы о ней пережили целые поколения. Как все это объяснить?

— Вспоминать слова Бертрама Рассела: «Дети грезят о власти точно так же, как взрослые видят эротические сны». Секрет живучести Пеппи заключен, наверное, именно в том, что она может делать вещи, которые обычно детям делать не разрешают. Вот почему она им нравится. Но они вовсе не хотят быть такими; как эта девочка, им достаточно походить на двух ее закадычных приятелей. Они очень хотят, чтобы Пеппи существовала, но они не стремятся быть похожими на нее.

— Кроме «Пеппи-Длинного чулка», вы написали книги о превосходном сыщике Калле Блумквисте, о Карлсоне, Эмиле, Роне, дочке разбойника, о многих других. Среди этих героев есть у автора любимчик?

— Ответить довольно трудно. Но, наверное, все-таки мой любимец — это Эмиль. Я думаю, он самый

вкусный из трех дворов. Бюллербю — это что, остров счастливых?

— Да. Во всяком случае, ребенком я считала его самым прекрасным местом на свете. Мы — моя сестра, мой брат и я — чувствовали себя здесь полностью свободными и счастливыми. Так же, как и персонажи моей книги.

— Как по-вашему, что же все-таки такое детская книга — настоящая литература или продолжение педагогики другими средствами?

— Этого я не знаю. Во время работы я не думаю ни о литературе, ни о педагогике. Меня больше занимает и радует то, что я снова становлюсь ребенком.

— Но все ваши многочисленные книги ведь написаны не только ради того, чтобы сделать приятное себе и детям. Наверняка вы всякий раз хотели дать еще какое-то наставление?

— Нет, никакого. Но, вероятно, мои книги действуют подобным образом. Я получила столько чудесных писем. Люди пишут, какую роль сыграли в их жизни мои произведения, признаются в том, что благодаря им у них выработались правильные взгляды на жизнь. И говорят они об этом столь часто, что мне и самой поневоле уже верится, будто так оно и есть на самом деле.

— Однажды вы сказали: «Своими книгами я не пытаюсь воспитывать или поучать детей...» Тем не менее Германский союз книготорговцев, который присудил вам премию мира, посчитал иначе. Он отдал должное писательнице, «которая деликатно, но настойчиво прививает терпимость, честность, умение понимать других и чувство ответственности».

— Да, да, действительно. И все же я не помышляла обо всем этом. Это не входило в мои намерения.

— Вы не против того, чтобы детские книги читали и взрослые?

— Считаю, что это даже очень хорошо. Я всегда говорила: в детской книге могут быть, с одной стороны, вещи, которые интересны только детям и, с другой — которые одинаково нравятся и детям и взрослым. Но в детской книге не должно быть ничего такого, что было бы интересно только взрослым. Это уже неуважение к детям, которые ее получили, а может быть, даже и купили сами.

СКАЗОЧКА ПРО НАЛОГ

— В своей речи по случаю вручения вам премии Союза книготорговцев во Франкфурте вы сказали, что миру на нашей земле грозит большая опасность. Более того: что человек не создан для мира... Вы действительно так думаете? Ведь в таком случае разговоры о мире — это разговоры о том, чего не существует?

— А по-вашему, на этой земле много мира? Да, все люди мечтают о мире, все хотят жить в мире, но им это не удается. Посмотрите хотя бы, что происходит сегодня на Ближнем Вос-

нен, а во-вторых, пало правительство. Можно ли называть вас после этого еще и публицистом?

— Вряд ли. Я просто разозлилась, когда узнала, что по новому закону мне полагается платить 102 процента налога с моего дохода! Это было слишком. Тогдашнему министру финансов я отправила письмо, в котором заверила, что готова с радостью платить 90 процентов от своего дохода, но никак не 102. А потом взяла и написала эту самую сказочку, которая возымела такое действие. Я не знала, что мои настроения разделяло столько шведов. Мне казалось, что этим налогом облагаются прежде всего очень состоятельные граждане. А выяснилось, что это не так.

— И все-таки позвольте заметить, что даже если в ваши намерения и не входило заниматься публицистикой и политикой, вы все же иногда это делали. В 1987 году вы писали Горбачеву и просили его приложить все усилия ради сохранения мира.

— Ну, в общем-то, политикой можно считать многое... А письмо к Горбачеву родилось вот как... В Москве намечалась крупная миротворческая встреча, на которую пригласили и меня. Но я поехать не могла. И кто-то в советском посольстве предложил мне в таком случае «хотя бы направить письмо». Я не совсем поняла смысл этого предложения, однако все же написала на имя господина Горбачева. Я рассказала ему о том, что недавно получила письмо от шведского мальчика, в котором было всего две фразы: «Я боюсь войны. А ты боишься?» И что, желая быть честной, ответила ему так же кратко: «Да, я тоже боюсь». И обратилась с просьбой к советскому лидеру сделать все, чтобы наши дети не жили в постоянном страхе перед войной.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К КОРОВАМ

— Вы радуетесь, когда счастливы дети. Но вам хочется еще, чтобы были счастливы и... коровы...

— Вы имеете в виду мою только подготовленную книгу с названием «Моя корова хочет быть счастливой», где собраны все мои статьи в защиту животных, с комментариями ветеринара. Да, я действительно пытаюсь сказать то, о чем лишь «мычат» несчастные бессловесные создания — домашняя скотина, к которой сегодня на огромных фермах-фабриках относятся с немилосливой ранее жестокостью.

— У вас есть враги? Признаться, не могу себе этого представить.

— О, да, враги у меня теперь появились. И именно из-за этой кампании в защиту животных. Сейчас принят новый закон, который хоть как-то меняет дело, и с ним, конечно, далеко не все согласны. Есть люди, которые думают исключительно о прибыли. Им безразлично, что убивают коров и свиней держат в закутках, где им не пошевелиться, что они — страдают! Им — лишь бы поменьше расходов и побольше доходов!

— Более 70 ваших книг переведены на 56 языков, в том числе на немецкий. В Германии у вас масса преданных читателей, 37 школ носят ваше имя! Чем вы объясните такую всемирную популярность?

— Наверное, тем, что мои книги интересно читать. В разных странах отдают предпочтение разным моим героям. У вас, в Германии, наибольший «спрос» на Пеппи, в России без ума от Карлсона и Малыша, а в Польше очень популярны ребята из Бюллербю. Там даже эту книгу проходят в школе.

— А вам известен мировой тираж ваших книг?

— Этого, по-моему, не знает никто.

— «Нет в детстве более захватывающего приключения, чем чтение книг», — сказали вы однажды. Не старомодно ли это звучит сегодня, когда дети помешаны на плеерах, видеомагнитофонах, персональных компьютерах и т. д.?

— Так я ведь и говорю, что все это не идет в сравнение с теми возможностями, которые открывает книга. Обзоры, «картинки», которые возникают в процессе чтения, в сто раз интереснее того, что показывает телевизор. Я совершенно уверена, что...